

Ольга Хирина
olga_hirina@mail.ru
[89060544100](tel:89060544100)

Дача

пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Гусик, женщина 50 лет

Мать, женщина 85 лет

Люба, соседка, женщина 60 лет

Чёрт Серёга, существо

Боженька, сам

Секретарь, юноша

Дачный участок в нечерноземье, север России. Слева небольшой домик, справа сарай, между ними теплица (пока только одни железные дуги), за нею 7 гряд, в глубине пруд. На переднем плане широкая скамья. Рядом припаркована машина, недорогой седан. Никого.

Из багажника машины раздаётся отвратительный звук, похожий на скрежет когтей по металлу. Ещё один. Всё затихает.

Из домика выходит Гусик, одетая в старые треники и мужскую рубаху, явно не по размеру, растоптанные резиновые галоши, задумчиво смотрит в небо.

Внезапно бьёт себя по щеке — комар.

ГУСИК: Дрянь гнусавая! И что тебе не спится? Начало мая же только.

Из зрительного зала на сцену карабкается Мать, одетая в ещё более старую одежду, на голове старая тёплая шапочка, что зовётся в народе пидоркой, в руках палка. Несмотря на это женщина выглядит почти элегантно, чего не скажешь о её движениях — ступеньки даются с трудом из-за больной ноги. Гусик спешит на помощь, буквально силой втаскивая Мать на сцену, доводит и усаживает на скамью.

МАТЬ: Ну что, новости плохие — мотоблока нет. Обошла четыре двора. Одни не открыли, другой говорит, сыну отдал, вернёт на следующей неделе. Валера, на которого я больше всего надеялась, в больнице.

ГУСИК: А четвёртые?

МАТЬ: *(машинально)* Какие четвёртые?

ГУСИК: Ладно. Тогда копаем сами.

МАТЬ: Ты же сказала, что только на два дня отпросилась.

ГУСИК: На два.

МАТЬ: Господи, да нам эти гряды за 5 дней не вскопать! Тебе не вскопать. Потому что я, видимо, всё. Пульс сто пятьдесят, сердце в глотке буквально. И всё плывет. Сейчас лягу вот тут и помру... Только как ты меня отсюда повезёшь... и похороны... тебе завтра уже никак не вернуться... Мне стыдно так с тобой поступать... и-и-и...

Голос Матери постепенно слабеет, затухает, появляется дребезжащая нотка, на последних словах она почти плачет. Но дочь бесстрашна.

ГУСИК: Что успею за два дня, то вскопаю. Тебе хватит.

МАТЬ: А тебе?

ГУСИК: А мне ничего не надо, я сто раз говорила.

МАТЬ: И что же вот земля будет стоять, а мы будем на неё смотреть?

ГУСИК: А почему нет?

МАТЬ: Потому что я не такой человек. *(через паузу, со значением)* Не моё ты семя, не моё.

ГУСИК: Ладно, я копать. С которой гряды начинать?

МАТЬ: *(сухо)* С какой хочешь. Все не копаны.

Гусик смотрит в глубь сцены — на 7 грядок. Идёт к ним и начинает орудовать лопатой. Видно, что земля тяжёлая, и копать её женщине тяжело. Мать на скамье меняет положение с сидя на лёжа.

МАТЬ: А я лежу. Я теперь всё время лежу. Сил нет. Ещё в прошлом году были, а сейчас нет. Вот, когда лежу, то мне хорошо, ничего не болит, ни нога, ни голова. А как начну вставать, так хоть караул кричи. А кому кричать? Никого же нет. Иногда утром встану, до кухни доползу, чтобы позавтракать, и понимаю, что сил нет даже кашу сварить. И ползу обратно. Бывает, что буквально ползу, на четвереньках. Доползу до дивана, лягу. Лежу — хорошо. Ещё меня прибор этот спасает, забыла, как называется, но я сейчас всё забываю. Я им и ногу, и спину. Наверное, вредно так много, там же излучение, но мне чего уж теперь. Я умру скоро. Одно покоя не даёт — как ты, без пенсии?

ГУСИК: Как все.

МАТЬ: Все работали. У них стаж. А у тебя?

ГУСИК: Мам, сейчас не стаж важен, а зарплата. Официальная. А она у большинства крошечная же.

МАТЬ: Не скажи. У Ольги Петровны дочь в пожарке работает, сто тыщ.

ГУСИК: Это единицы.

МАТЬ: Так и ты у меня единица. Одна-единственная. Как жить-то будешь, когда тебе пять тыщ насчитают?

ГУСИК: У нас минимальная, вроде, восемь.

МАТЬ: Да хоть и восемь. Как на них жить-то? У тебя одна коммуналка половину съест. Будешь с кружкой возле церкви стоять.

ГУСИК: Дети помогут.

МАТЬ: Ага. Как мне.

ГУСИК: Я что, тебе не помогаю сейчас?

МАТЬ: Помогаешь-помогаешь. Я сейчас в дом зашла, а там мышь в ведре плавает. Гадина. Мне эту воду Люба, соседка, принесла недавно, самой-то из колодца мне уже ведро не вытащить. Мне бы этой воды надолго хватило. А теперь что — выливать.

ГУСИК: Я принесу.

МАТЬ: Да ты всё сделаешь. Когда только? Если тебе завтра уже уезжать.

ГУСИК: Я постараюсь.

МАТЬ: Самое-то главное — теплица. Без тебя мне её сроду не посадить. Бросай эту грядку. Вскопай мне сначала теплицу.

Мать встаёт со скамьи и идёт к теплице. Туда же подходит Гусик. Обе начинают копать. Работу осложняют дуги, которые не дают встать в полный рост.

МАТЬ: Ты до самого края копай, ага, и сорняки эти выкидывай, а то заглушат мне все мои помидорчики.

ГУСИК: Всю теплицу копать?

МАТЬ: Станный вопрос.

ГУСИК: Ты обещала в этом году так много помидоров не сажать.

МАТЬ: А их и не много. Я там ещё перцы посажу. У меня очень перцы хорошие взошли... Ой, не могу наклоняться. Сейчас упаду.

ГУСИК: Иди полежи ещё.

МАТЬ: Какое полежи! Пойду плёнку готовить — теплицу накрывать. Ты завтра ускачешь, а я одна вертись как хочешь. И помочь некому. Народ здесь ленивый до усрачки. За двести рублей никто тебе грядку не вскопает, хоть и деньги нужны. Они тут водку из-под полы покупают палёную, как раз две сотни. Но нет, им меньше пятисот не предлагай.

ГУСИК: Давай я тебе дам деньги — семь гряд по пятьсот. Три пятьсот.

МАТЬ: Деньги она мне даст. Я сама тебе их дам. Четыреста тыщ дам.

ГУСИК: Зачем?

МАТЬ: Чтобы ты подтяжку себе сделала. Смотри, сколько морщин возле глаз. И носогубка. Хватит же четыреста?

ГУСИК: Не знаю, я не интересовалась. Мне казалось, я ещё ничего.

МАТЬ: Ты очень даже ничего, но с подтяжкой будет лучше.

ГУСИК: Я операций боюсь.

МАТЬ: Ерунда.

ГУСИК: Не, не надо мне денег. Надо будет, сама найду.

МАТЬ: А мне что с этими деньгами делать? В гроб их с собой?

ГУСИК: Давай тебе подтяжку сделаем.

МАТЬ: Зачем? Я к своей роже уже привыкла.

ГУСИК: И я.

МАТЬ: Ты, может, ещё замуж выйдешь.

ГУСИК: Да я, вроде, замужем.

МАТЬ: И где твой муж? Где этот кабан, когда он так нужен?

ГУСИК: Я же сказала, Серёга не смог с работы отпроситься.

МАТЬ: Ты говорила, что он уже полгода толком не работает.

ГУСИК: Именно. Наконец, устроился. Как отпросишься?

МАТЬ: Ага.

ГУСИК: Что ага?

МАТЬ: Хорошо копаешь, говорю. У нас тут мужики хуже копают, клянусь.

Ладно, я за плёнкой.

Мать уходит в сарай. Гусик продолжает копать. Из багажника снова доносится шум, но другой, похожий на стук чего-то тяжёлого. Гусик замирает, прислушивается, потом бросает лопату и бежит к сараю, заглядывает внутрь, бежит к машине. Из багажника всё ещё слышна возня. Гусик оглядывается вокруг, увидев лежащий на лавке молоток, хватается его и открывает багажник. Оттуда наружу лезет что-то тёмное и лохматое,

похожее на лапу животного. Гусик молниеносно бьёт молотком по этой страшной лапе. С жалобным визгом лапа исчезает во внутренностях багажника. Размахнувшись, Гусик бьёт ещё раз по тому непонятному, но живому, что спрятано в багажнике. Наступает тишина.

Из сарая выходит Мать, таща за собой длинное и широкое полотно плёнки. Гусик быстро закрывает багажник.

МАТЬ: Кто звонил?

ГУСИК: Никто.

МАТЬ: А что тогда?

ГУСИК: Ничего.

МАТЬ: А чего стоишь там?

ГУСИК: Ну так...

МАТЬ: А я знаю.

ГУСИК: Правда?

МАТЬ: У тебя бутылка в машине. И ты потихоньку выпиваешь, пока я не вижу, чтобы меня не расстраивать, так?

ГУСИК: Нет.

МАТЬ: А я не против. Я бы тоже сейчас глотнула. Пивка бы глоток.

Гусик качает головой, затем открывает заднюю дверь машины, вынимает сумку-холодильник, достаёт бутылку пива, открывает об скамейку, отливает в эмалированную кружку, стоящую под скамейкой, оставляет бутылку на скамье, кружку относит Матери, берёт лопату и продолжает копать землю в теплице. Мать, не выпуская из рук плёнку, с удовольствием пьёт пиво из кружки. Затем оглядывается вокруг.

МАТЬ: Земля. Своя. Усадьба, считай. Как у господ. Но вам не надо. А что вам надо? Аглы? Помнишь, как ты маленькая, глаз вот так закроешь (*показывает*) и кричишь: «Хочу шить, дайте мне аглы!» Иглы, значит.

ГУСИК: Ты рассказывала, да.

МАТЬ: Когда умру, не продавай землю-то. Пригодится ещё вам. Если голод вдруг, засадите картошкой и выживете.

ГУСИК: Нет уж, поживи ещё, пожалуйста.

МАТЬ: А я поживу. Поживу. Потому что я оптимист, а оптимисты долго живут.

Во двор заходит, пошатываясь, крашеная блондинка в летах — соседка Люба. Она слышит последние слова Матери.

ЛЮБА: Правильно говоришь, Михайловна. Я тоже оптимист. Тоже думаю пожить. Здравствуйте всем!

ГУСИК: Привет, Люба!

МАТЬ: Нам надо жить, Люба. Назло. Нас травят, как тараканов, как крыс, а мы живём.

ЛЮБА: *(смеётся пьяненьким смехом)* Потому что мы и есть тараканы!

МАТЬ: Нет. Потому что мы космонавты! Знаешь, кого в космонавты отбирают? Людей, которые могут вынести всё. Так и мы. Жги нас, топи, души, голодом мори, а мы хоть бы хны, встанем на ножки, отряхнёмся и улыбнёмся ещё. Как Гагарин — самой красивой улыбкой на свете.

Мать поднимает вверх руку с плёнкой в приветственном жесте и улыбается, как Гагарин на знаменитой фотографии.

ЛЮБА: Артистка, Михайловна! *(Оглядывается)* Санечка, а ты что же, опять одна приехала?

МАТЬ: Говорит, работает кабан.

ГУСИК: Мам, ну хорош уже его так называть!

МАТЬ: А как его ещё называть? Рост под 190, плечи во *(показывает)*, волосы, Люба, брови, глаза...

ЛЮБА: Ого!

МАТЬ: И вот вся эта фактура коту под хвост. Потому что, вроде, есть мужик и нет мужика. Толку от него нуль, такой же большой как он сам. Вечно без работы. Дома тоже ничего не делает. Ко мне сюда только раз заехал, да и то впустую. Ну ты сама всё видишь.

ЛЮБА: Вижу, что ты всё время одна, Санечка.

ГУСИК: Молчи, Люба.

МАТЬ: Пусть Люба молчит, а я не буду. Твержу ей: бросай. Уходи, пока молодая.

ГУСИК: *(саркастично)* Молодая!

МАТЬ и ЛЮБА: Молодая!

МАТЬ: Терпеливая. Не я. А ради чего терпеть?

ЛЮБА: Ради того самого! *(Смеётся)*

МАТЬ: Люба, тьфу!

ЛЮБА: Чего, Михална, сама ж говоришь: плечи во, брови во!

МАТЬ: Да разве ж в мужчине это главное?

ЛЮБА: Немаловажно, Михална.

МАТЬ: Я тебе, Люба, так скажу. Пусть маленький, лысый, даже глуховатый или подслеповатый, но если на себе хозяйство тянет, если рядом с ним ты хоть чутка спину расправила, то вот для меня он — красавец писанный!

ЛЮБА: Прынц!

ГУСИК: Подслеповатый лысый карлик.

МАТЬ: И в чём я не права?

ГУСИК: Права, мама, во всём права.

ЛЮБА: А мне всё равно! Я к мужикам никаких претензий не имею! Они там, я тут. И мне хорошо! И им повезло! *(Смеётся)* А вы тут, гляжу, тоже не грустите, пивко попиваете.

ГУСИК: Угощайся, Люба. Из бутылки никто не пил.

ЛЮБА: Спасибо, Санечка, но я такое не пью. Мне от пива радости нет. А зачем же пить, если радости нет? Писаешься только *(хихикает)*. А зачем я к вам пришла? Я ж подарок принесла!

МАТЬ: Чего это вдруг...

Взяв паузу для эффекта, Люба достаёт из-за пазухи большую ромашку, сделанную из пластиковых бутылок, демонстрирует с гордостью.

ЛЮБА: Как хороши, как свежи были розы, как говорится!

МАТЬ: А разве это не ромашка?

ЛЮБА: *(весело)* Ну тогда, ромашки спрятались, поникли лютики!

ГУСИК: Красиво! Сама смастерила?

ЛЮБА: Ты что, у меня к искусству с детства никаких способностей! Вот всё, что руками нужно делать, не моё. А этот шедевр я на станции купила. Две сотни не пожалела. Такая красота! Бери, Михална! От всей души! На вечную память.

Мать нехотя принимает из рук Любы ромашку, но старается не показать виду.

МАТЬ: Спасибо, Любовь Викторовна! Вещь, действительно, вечная. Ещё на могилке моей постоит.

ЛЮБА: Постоит, Михална. Что ей снег, что ей зной, как говорится!

ГУСИК: Что вы там такое говорите!

МАТЬ: Да мы шутим. Люба, а мне-то тебе подарить и нечего.

ЛЮБА: Бог с тобой, Михална! Зачем мне подарки? Я к ним и не привыкшая. Если бы вот только займы? Рубликов двести. А я отдам. Завтра и отдам.

МАТЬ: Эээ...

ГУСИК: Люба, я тебе дам.

Мать машет головой, но Гусик не смотрит на неё. Шагает к машине, достаёт из бардачка деньги, отдаёт повеселевшей Любе.

ЛЮБА: Санечка, красавица, спасибо тебе огромное, я отдам! Спасительница... ну, я пошла. Не буду вас отвлекать, работайте.

Люба убегает. Гусик возвращается к лопате под укоризненный взгляд Матери.

МАТЬ: Ну, зачем? Я же тебе кивала: не надо! Она ж на водку!

ГУСИК: Зато ушла.

МАТЬ: Ага, и теперь ещё когда появится. Думаешь, отдаст она тебе их? Скажет, забыла.

ГУСИК: Да, плевать. Разве это деньги?

МАТЬ: *(всплёскивая руками, в которых по-прежнему зажаты плёнка и ромашка)* Для вас всё не деньги. Богачи все, погляжу. А для меня две сотни — очень даже деньги. Я на них куру куплю, на куски разделаю и три супа сварю. Каждый дня на три. То есть я 10 дней могу этими двумя сотнями пропитаться. Потому что остальное-то у меня с огорода: картошка, морковка, лук, капуста. То есть бесплатно.

ГУСИК: Ма, я сейчас за бензин только почти три тыщи отдала. И это в одну сторону. Или это не выходит в цену картошки-моркошки?

МАТЬ: *(невозмутимо)* Ты не на огород, ты ко мне приехала.

ГУСИК: Ага, но...

Гусик не успевает договорить, как из багажника раздаётся дикий вой, затем стуки, машина раскачивается под активными действиями того, кто там внутри. Мать вместе с плёнкой испуганно садится на землю. Гусик замирает, она не знает, что делать.

МАТЬ: Гуся, кто там?

ГУСИК: Я не знаю.

МАТЬ: Да как не знаешь! Ты только что багажник открывала, я же видела. Что ты молчишь?

Внезапно багажник распахивается, оттуда вылезает мохнатый ЧЁРТ и бежит прямо на Мать. Та ойкает и накрывается плёнкой. Гусик с лопатой наперевес бежит к Чёрту, но не успевает, потому что спотыкается и падает. Чёрт подхватывает Мать, закутавшаюся в плёнку как в саван, на лапы и кружит с нею. Чёрт издаёт какие-то нечленораздельные звуки. Подскакивает Гусик и начинает бить Чёрта лопатой по спине, стараясь не задеть Мать.

ГУСИК: Поставь её на землю, скотина! Ты же её уронишь!

ЧЁРТ: Мааааа... ма....

После очередного удара лопатой по рёбрам Чёрт жалобно мяукает и выпускает Мать из лап, она мягко скатывается на землю. Гусик со всего размаха лупит Чёрта по голове, и он валится ничком на землю рядом с Матерью. Мать, наконец оставив плёнку и ромашку, на четвереньках ползёт к Чёрту и разглядывает его.

МАТЬ: Матерь божья, да что же ты такое?.. Гуся, он дышит. Живой.

ГУСИК: Конечно, живой. Что ему делается, скотине.

МАТЬ: Объясни уже, наконец, что здесь происходит?

ГУСИК: Ты всё равно не поверишь.

МАТЬ: Говори.

ГУСИК: Это Серёга, мам.

МАТЬ: Какой Серёга? Наш Серёга? Кабан? Твой муж?

ГУСИК: *(обречённо кивает)*

МАТЬ: Серёга, твой муж, хоть и кабан, но человек. А это же животное какая-то, прости Господи! У него вон копыта какие, гляди!

ГУСИК: Я говорила, не поверишь.

МАТЬ: Так ты объясни по-человечески!

ГУСИК: Да что объяснять? Был мужик, а стало вот это.

МАТЬ: Да как стало-то? Выпил или сожрал чего? Я отличник здравоохранения, стаж более 40 лет, про такое даже не слышала!

ГУСИК: Да не знаю, как, мам! Просто однажды я проснулась, а рядом вот это лежит.

МАТЬ: А что же ты молчала?

ГУСИК: А что говорить? Я офигела, мам!

МАТЬ: Не ругайся.

ГУСИК: Ну, а как тут иначе скажешь? Это ж во сне такая дрянь не приснится...

МАТЬ: Постой, а как же он у тебя в таком виде на работу ходит? Ты сказала, трудоустроился недавно.

ГУСИК: Мам, ну что ты как дитя? Соврала я. Какая ему работа? Он говорить, и то разучился. Мычит да блеет.

МАТЬ: А мне, вроде, казалось, он «мама» пытался сказать. То есть узнал меня, получается.

ГУСИК: Да у него сейчас одно слово. Бегает за мной и кричит «ма-ма, ма-ма!»

МАТЬ: Постой, а девчонки как? Они его видели?

ГУСИК: Да, слава Богу, Машка с мужем в Москву уехали, у них там какая-то конференция, а Дашка уже месяц как с парнем живёт, дома не появляется.

МАТЬ: А не рано?

ГУСИК: Что?

МАТЬ: С парнем жить.

ГУСИК: В 19?

МАТЬ: А не дай бог дети?

ГУСИК: Она умная.

МАТЬ: Ну-ну.

ГУСИК: Что ну-ну, мам! Сейчас молодёжь не такая как мы. Чуть что не по ним — в штыки. Моя жизнь, мои дела.

МАТЬ: погоди, так когда это случилось? Что ты проснулась, а он вот такой?

ГУСИК: Неделю назад.

МАТЬ: И что всё это время?

ГУСИК: Что? Замочить его пытаюсь, гадину, да всё никак!

МАТЬ: То есть как замочить? Убить? Мужа?

ГУСИК: Mam, ты глумишься, что ли? Какой он муж? Он и раньше-то почти бесполезный был, а сейчас и вовсе тварь мохнатая. Вон даже хвост вырос!

МАТЬ: А всё-таки живой. Сердце вон бьётся. Глаза голубые...

ГУСИК: Так забирай!

МАТЬ: Так сразу и забирай! Надо сначала понять, что он в таком состоянии делать может. Копать может? Или, скажем, забор починить? У меня там столбик рядом с калиткой совсем прохудился, того смотри, завалится, а за ним уж и весь забор рухнет. А забор на улицу; если я его в порядке поддерживать не буду — штраф.

ГУСИК: Mam, это животное! Какой забор, какая лопата? Чем он её держать будет? Копытом?

МАТЬ: Да, я тоже сомневаюсь, что от него прок будет. Да и соседи. Он же напугать их может! А летом тут ещё детей наедет. Представляешь, через дорогу дом, так к ним старший сын из Москвы аж каждое лето приезжает. С тремя детьми. И жена микробиолог. Гостят по две-три недели. И очень, кстати, довольны. Говорят, хороший у нас тут отдых! Лес, ягоды...

ГУСИК: *(хлопает по шее, убивая комара)* Комары, грядки.

МАТЬ: А ты что хотела? Море, пляж? Нету у нас этого, да. Не было никогда и не будет. И плевать. Меня, кстати, не кусают больше. Старая, видать, для них.

ЧЁРТ: *(стонет)*

МАТЬ: Вроде как, в себя приходит.

ГУСИК: Не дай Бог.

МАТЬ: Что же его опять лопатой бить?

ГУСИК: Бить. Бегать за ним, я уже набегалась.

МАТЬ: Тебе что, совсем его не жалко? Вдруг он обратно в человека превратится?

ГУСИК: А я не жена декабриста.

МАТЬ: Постой, может, его специалистам каким показать?

ГУСИК: Мам, ну каким? Скорую вызвать, чтобы его в больничку положили? Ты же сама врач. Они людей-то сейчас брать не хотят, норовят, дома на лечение оставить, а тут...

МАТЬ: А если учёным? Это же феномен!

ГУСИК: Ага. И сразу в Академию наук. Дорогие учёные, хорош уже там микроорганизмами заниматься и жизнь на Марсе искать, займитесь-ка лучше моим муженьком, который бухал-бухал и добухался до копыт?!

*Чёрт окончательно очухивается, поднимается, принимая положение сидя.
Трёт ушибленные места, смотрит на Мать.*

ЧЁРТ: Мама, паль... паль...

МАТЬ: Слышишь, упал, говорит.

ГУСИК: Как ты разобрала?

МАТЬ: Так я 40 лет с детьми проработала, можно сказать, изучила детский лепет во всех его видах.

ГУСИК: А он у нас, значит, ребёнок.

МАТЬ: В определённом смысле да. Он переродился в существо, которое только делает первые шаги. Его нужно образовывать. А не лопатой бить.

Чёрт оживает, тычет лапой в сторону Гусика.

ЧЁРТ: Мама биль...

МАТЬ: *(Гусику)* На тебя жалуется. Ты лопату-то убери за спину, не пугай.

(Чёрту) А что, Сергей, работать будешь? Землю копать? *(Гусику)* Покажи ему лопату.

ГУСИК: То убери, то покажи.

МАТЬ: *(Чёрту)* Забор сможешь починить? Или вот крыша тоже прохудилась, зальёт запросто, если ливень сильный будет.

Чёрт ползёт в сторону от Матери, но недалеко. Присаживается на корточки — гадит.

МАТЬ: *(Чёрту)* Да куда ж ты валишь, окаянный! Прямо на дорожку! Иди вон лучше на грядку присядь. *(Гусику)* Интересно, у него там что. Потому что одно дело, когда как у коровы, тогда оно бесценное. А если как у свиньи, так один вред только. Чем ты его кормишь?

ГУСИК: *(воинственно подняв лопату вверх)* Убила бы вонючку! Кормить его ещё. Что нашёл, то и съел.

Чёрт заканчивает акт дефекации. Отходит от своей кучи на пошага в сторону, задумчиво смотрит.

ГУСИК: *(Чёрту)* Не вздумай там копать, гадина! Зашибу сразу!

МАТЬ: *(Чёрту)* А ты закопай, Сергей! Земельку копытцом сковырни и сверху припороши!

Чёрт послушно начинает рыть ногой землю. Мать одобрительно кивает. Поднимает с земли оброненную ромашку и втыкает её в то место, где гадил Чёрт.

ГУСИК: Как ты с ним нежно! Раньше по-другому общалась.

МАТЬ: Раньше другой спрос был. А ты передохнула, давай копай иди, время-то тикает.

ГУСИК: А с ним как?

МАТЬ: Да пусть сидит, на солнышке греется. Кому он мешает.

ГУСИК: Привязать, может?

МАТЬ: Привязать всегда успеем. Давай сначала лаской попробуем. Как с детьми. Лучший метод воспитания — это любовь. Как педиатр, говорю.

ГУСИК: Ну, валяй, люби. Инструмент какой-нибудь только под рукой держи, на всякий случай.

МАТЬ: (*достает из кармана большие ржавые ножницы*) Инструмент у меня всегда под рукой.

Гусик кивает и возвращается в теплицу. Копает, периодически поглядывая в сторону Матери и Чёрта.

МАТЬ: (*Чёрту*) Ну, хорошо, копать не хочешь, забор чинить тоже. А мелкую какую деятельность? Теплицу плёнкой накрыть сможешь? Я за один край, ты за другой. Ничего сложного.

Мать тычет руками в сторону плёнки, объясняя Чёрту на пальцах, что от него требуется. Чёрт делает шаг к плёнке, падает на неё и елозит на спине, задрав вверх ноги, как это любят делать собаки.

МАТЬ: Нет, дорогой, играть нам некогда. У нас дел невпроворот.

Чёрт скулит.

МАТЬ: Что, почесать тебя?

Мать наклоняется к Чёрту, чешет ему за ухом, потом почёсывает мохнатое пузо. Чёрт довольно урчит. Гусик в сердцах сплёвывает.

МАТЬ: Ну, хорош дурака валять. Помогать надо. От всех, как говорится, по способности. Не может быть, чтобы такой здоровяк ни на что способен не был.

Мать хлопает Чёрта по бедру. Тот вскакивает. Мать берёт один конец плёнки, кивает ему на второй. Помешкавшись, Чёрт берёт противоположный конец. Мать радостно кивает. Вдвоём они тащат плёнку к теплице.

МАТЬ: А теперь её накинуть нужно, понимаешь, наверх? Вот так. Я с этой стороны, ты с той.

Мать и Чёрт накидывают плёнку на теплицу, закрывая таким образом копающуюся в теплице Гусика.

МАТЬ: (Чёрту) Ну вот, получилось. Соображаешь. А теперь, смотри, вот там (показывает) кирпичики лежат — их нужно все перетаскать, на плёнку, чтобы ветром не сдувало. Таскаешь и кладёшь. С обеих сторон. Проще пареной лапы. Давай.

Мать берёт Чёрта за лапу, ведёт к стопке с кирпичами и наглядно показывает, что нужно делать. Чёрт внимательно смотрит, затем хватается сразу несколько кирпичей и тащит их к теплице, сваливает.

МАТЬ: Хорошо. Только аккуратнее. Так их не швыряй. Разобьёшь. Они старые. Да и себя ушибёшь.

Чёрт быстро перетаскивает все кирпичи, расставляет их по краю плёнки, распростёртой на земле. Затем прижимается мордой к плёнке, смотрит какое-то время на Гусика, и вдруг пускается в пляс вокруг теплицы. Чёрт весело гарцует туда-сюда. Мать внимательно смотрит на него, затем поднимает глаза в небо. Внезапно темнеет.

МАТЬ: Неужели дождь? Совсем некстати. Может, обойдёт? У нас так часто бывает: вокруг прольёт, а именно у нас ни капли.

Где-то вдалеке гроыхает. Чёрт от этого звука пугается, перестаёт танцевать, сжимается и бежит к Матери. И тут как ливанёт! Мать толкает Чёрта в теплицу, а за ним прячется в ней и сама. Становится совсем темно. Но внутри теплицы загорается свет, так что отчётливо видны силуэты всех троих. А сверху, с неба, опускается белое облачко с двумя фигурами — мужчина в возрасте, БОЖЕНЬКА, и юноша, СЕКРЕТАРЬ, с блокнотом и ручкой. Оба смотрят на теплицу с тенями.

БОЖЕНЬКА: И как же такое получилось? Кто это сделал?

СЕКРЕТАРЬ: Не вы?

БОЖЕНЬКА: Конечно, нет. Не моя тема. Я строго наоборот: из камня — хлеб, из воды — вино, из глины — человек. А из уже готового человека — вот это? Это ж бессмыслица. Зачем?

СЕКРЕТАРЬ: Ну, предположим, образовательный кейс. Оскотинился внутри, стал скотиною снаружи. Доходчиво, наглядно, поучительно.

БОЖЕНЬКА: Во-первых, слишком наглядно. Я так не работаю. Во-вторых, я не учу и не поучаю. Не учитель я, а создатель.

СЕКРЕТАРЬ: Вы есмь Сущий.

БОЖЕНЬКА: Именно. Я просто есть. Так просто, что большинству сложно понять. Тем не менее, я их (*показывает рукой вниз*), человечков, слепил, жизнь вдохнул, а дальше — сами, сами, я не вмешиваюсь.

СЕКРЕТАРЬ: Может, мне презентацию какую подготовить, чтобы почётче все определения обозначить?

БОЖЕНЬКА: Не надо. Жили как-то без эти ваших презентаций и дальше проживём. И бросай ты мне уже эти заморские словечки! От них во рту кисло.

СЕКРЕТАРЬ: Простите, владыка! Это всё курсы проклятые!

Сверкает молния, грохочет гром. Видно, как Мать внутри крестится. Чёрт трясётся от страха. Только Гусик продолжает спокойно копать.

СЕКРЕТАРЬ: А вот это (*показывает рукой в стороны молнии*) тоже не вы?

БОЖЕНЬКА: С чего вдруг? Я в эти фокусы, ещё когда ребёнком был, наигрался.

СЕКРЕТАРЬ: Тогда получается, происходит неконтролируемый процесс по превращению человека в...

БОЖЕНЬКА: Во что?

СЕКРЕТАРЬ: В новый биологический вид?

БОЖЕНЬКА: Ты пока подумай над названием нового вида. А процесс я беру под контроль.

СЕКРЕТАРЬ: (*увлечённо*) Человек парнокопытный? Человек хвостатый? Человек мычащий? Человек блеющий? А, может, просто скотиночеловек?

БОЖЕНЬКА: (*машет рукой*) Да не сейчас! Список накидай, по форме, а я рассмотрю.

Дождь прекращается. Светлеет. Из теплицы выходят Мать, Чёрт и Гусик. Мать по-хозяйски оглядывается, отмечает последствия дождя.

МАТЬ: Ну, ничего. Подмочило, но без катастрофических последствий. Копать можно.

Гусик, с лопатой на плече, направляется в сторону 7 грядок. Притихший Чёрт озирается вокруг, робко переминается на одном месте.

МАТЬ: Гусь, погоди. Ты вон сколько времени работала, передохни.

ГУСИК: Я не устала.

МАТЬ: Да как не устала! Ты ж не лошадь. Посиди на лавке минут десять. На небо посмотри. Красота вон какая!

ГУСИК: Угу (*продолжает идти к грядкам, не оборачиваясь*).

МАТЬ: Странное вы поколение. Не умеет радоваться мелочам.

Гусик вонзает лопату в грядку.

ГУСИК: Каким? Солнышку на небе? Птичке на дереве?

МАТЬ: А разве это не чудо? Завтра будешь уезжать — сорвёшь себе нарциссов, у меня перед домом растут. Красивые. Хотя я к цветам равнодушна. Вот Светлана Алексеевна засадила почти весь участок цветами. Чего только у неё нет! Цветы, кусты, деревья. Красиво, конечно. Но странно. Столько земли, а где огород? Я с трудом его нашла. Представляешь, несколько маленьких грядок. Ну, что у неё там вырастет? Конечно, у неё картошки хватает только на нового года, а потом иди в магазин, а она там по сорок рублей! Слышишь, по сорок? Я удавлюсь, а не куплю!

Чёрт подходит к Матери, обнимает её, словно жалеет. Мать понимающе хлопает его по лапе. Затем ведёт за собой к сараю.

МАТЬ: (Чёрту) Понимаешь меня, да? А раньше не понимал. (поднимая глаза к небу) Чудны дела твои, Господи!

БОЖЕНЬКА: Да бросьте уже! Ваши, ваши дела чудны, не мои!

МАТЬ: (Чёрту) А мы сейчас с тобой навоз таскать начнём! Без навозу что у меня там вырастет? Нечерноземье. Север. Не земля, а глина. А растения они ведь как мы, чтобы росли сильными да здоровыми, нуждаются в полезных веществах, солях, минералах.

Мать выносит из сарая несколько старых вёдер и вилы. Подводит Чёрта к куче с навозом, раскладывает вилами навоз под вёдрам, затем продевает через дужки вёдер палку.

МАТЬ: (Гусику, продолжая разговор) А что картошка магазинная? Она разве такая как своя? Моя-то рассыпчатая, жёлтая. Маслом польёшь, и умирать расхочется. Я тебе дам с собой пакетик, у меня осталось ещё.

ГУСИК: Повезу с собой в Питер пакет старой картошки? Ни за что.

МАТЬ: Поэтому у тебя и не будет никогда денег.

Чёрт поднимает палку с вёдрами, тащит их к грядкам, где копается Гусик. Косясь на Гусика, Чёрт толкает вёдра, вываливая их содержимое на грядки.

ГУСИК: (Матери) Я думала, его в лес отвезти. Пусть там бегает, может, своих найдёт.

МАТЬ: А охотники?

ГУСИК: Быстрее будет бегать.

Чёрт морщится, грозит Гусику копытцем, убегает к Матери, жалуется.

ЧЁРТ: (показывая в сторону Гусика) Мама злёт...

МАТЬ: (Чёрту) Шутит она. (Гусику) Это всё равно, что котят топить. Мне лично совесть не позволит.

ГУСИК: Ах, ты боже мой! Раньше ты его терпеть не могла, всё время говорила: избавься. А теперь просто мать родная!

Сильно шатаясь, почти падая, появляется Люба, но движется она тем не менее так быстро, что в два рывка оказывается возле Матери и Чёрта, поначалу, впрочем, не обращая на него никакого внимания. Люба вообще некоторое время не в состоянии сфокусироваться, поэтому смотрит в небо — прямиком на облачко, с которого за нею наблюдают Боженька и Секретарь.

ЛЮБА: Мать... Ты зачем мне, Михална, водку палёную продала?

МАТЬ: Люба, здравствуй, давно не виделись!

ЛЮБА: Водка гавно. Отравила ты меня, Михална. Соседка ещё.

МАТЬ: Любовь Викторовна, ты в своём уме? Я водкой не торгую.

ЛЮБА: Продала. Все видели.

МАТЬ: Люба, иди домой. Ты не в себе.

ЛЮБА: Обижаешь, Михална. Сначала отравила. Теперь обскорбляешь.

Некрасиво... как.

Оставив грядку, к компании подходит Гусик.

ГУСИК: Люба, ты забыла, наверное. Водку ты сама где-то купила, а денег я тебе дала.

ЛЮБА: Дала... дала... Не дала, а продала. Палёную. А если я помру? Мне ужас как плохо. Угольки вот здесь (*прижимает ладонь к груди*). И в глазах искры.

ГУСИК: Люба, давай я тебе «скорую» вызову.

ЛЮБА: Что я тебе, Михална, плохого сделала, что ты со мною так?

ГУСИК: Люба...

Мать делает жест рукой, показывая Гусику, мол, бесполезно. Чёрт вдруг поднимает голову вверх и издаёт протяжный печальный звук. Тут Люба приходит в себя, опускает глаза и внимательно смотрит на Чёрта.

ЛЮБА: Какой красивый мужчина!

И Люба без чувств валится на землю. Мать и Гусик склоняются над нею. Мать поворачивает голову Любы набок, хлопает по щекам, нащупывает пульс, считает.

МАТЬ: Да всё в порядке с ней. Пьяная просто.

ГУСИК: Только её нам не хватало. Что ей дома-то не сидится!

МАТЬ: Так скучно. Она одна сейчас. Одной невесело, знаешь. Ты не знаешь пока. Я знаю.

ГУСИК: Куда её теперь?

МАТЬ: В дом надо. Земля холодная, застудится.

ГУСИК: Люба, вставай, родная!

ЛЮБА: А?

МАТЬ: Люба, ты упала, надо встать. Мы сейчас тебе поможем.

ЛЮБА: Михална...

ГУСИК: Люба, спину застудишь, давай поднимайся.

МАТЬ: Люба, ты упала, надо встать. Мы сейчас тебе поможем.

Люба переворачивается со спины на живот, из этого положения встаёт на четвереньки.

ЛЮБА: Михална, я пошла.

ГУСИК: Люба, куда ты так пойдёшь, тут грязь везде, дождь какой был!

ЛЮБА: Нормально.

Люба на четвереньках, как делают это ещё не умеющие ходить младенцы, движется в сторону ворот. Гусик пытается её поднять, но Люба не даёт и упорно движется вперёд. Но затем останавливается, оглядывается.

ЛЮБА: Михална, палкой по жопе... бей... иначе засну... не дойду.

ГУСИК: *(Матери)* Пусть её этот донесёт.

МАТЬ: *(Чёрту)* Сергей, сможешь? Поднимешь её? *(жестами показывает, что именно нужно сделать).*

Чёрт подходит к Любе, поднимает, кладёт на плечо.

ЛЮБА: Брэд Питт...

МАТЬ: Неси её в дом, Серёжа. *(Гусику)* А ты постели ей там.

Гусик идёт впереди, за нею Чёрт с Любой на плечах. Заходят в дом. Мать поднимает голову и обращается прямо к Боженьке.

МАТЬ: Скажи, я это лето протяну? Нога совсем не гнётся. Аритмия. Да и вообще... настроения никакого. Кручусь верчусь, а для кого?

БОЖЕНЬКА: Я тебе сто раз говорил. Многие знания — многие печали. А ещё — не заботьтесь о дне завтрашнем, довольно для каждого дня своей заботы.

МАТЬ: А по-человечески ответить на простой вопрос? Да — нет?

СЕКРЕТАРЬ: *(Боженьке)* А что, так можно с Господом разговаривать?

БОЖЕНЬКА: *(обоим)* А я не знаю.

МАТЬ: А кто знает-то?

БОЖЕНЬКА: Ты сама и знаешь.

МАТЬ: Думаю, проживу ещё.

БОЖЕНЬКА: Живи, милая. *(Секретарю)* Любимка моя. Забавная. Не устаю от неё.

СЕКРЕТАРЬ: Ну, если в этом дело.

МАТЬ: А огурцы взойдут?

БОЖЕНЬКА: Взойдут. Морковь худая будет. Свёклы и вовсе не жди.

МАТЬ: Это хорошо, спасибо! А на свёклу наплевать. Я её не ем. Гусе вот если только на «шубу», так она, слышал, ерепенится, не нужна ей моя дача. Будто она мне нужна! Что мне вообще нужно-то? У меня пенсия под тридцать. Я себе что угодно купить могу. Для них ведь, дураков, подкопить стараюсь. Ей же такой пенсии не видать, нет. Как жить будет? На что?

БОЖЕНЬКА: Ибо завтрашний день САМ будет заботиться о своём!

МАТЬ: Да, поняла я, поняла.

БОЖЕНЬКА: *(Секретарю)* Всё написано. Две тыщи лет назад. Не читают.

Из дома выходят Гусик и Чёрт, который плетётся позади, жалобно попискивая и прижимая лапу к морде. Гусик возвращается к грядкам. Чёрт заползает внутрь теплицы, прячется там. Мать идёт к скамье, садится, потом ложится, снова садится.

МАТЬ: Что с ним?

ГУСИК: Да целоваться полез, говнюк...

МАТЬ: *(вздыхает)* А мадам?

ГУСИК: Спит. На диван положили.

МАТЬ: Подстелила что? Она ж в грязи вся.

ГУСИК: Да, тряпку старую кинула. ... Чего она так пьёт-то? Не девочка ж.

МАТЬ: Женский алкоголизм, страшная вещь. Если мужик ещё может себя в руки взять, то женщина почти никогда.

ГУСИК: А что ты на меня так смотришь? Думаешь, я тоже бухаю?

МАТЬ: *(глядя в сторону)* Надеюсь, что нет.

ГУСИК: Mam, если у меня с собою сейчас что и есть, то только потому, что без этого мне тут два дня не выдержать! Земля как свинец тяжёлая, лопату еле переворачиваю. Грязь эта. Ни помыться, ни посрать.

МАТЬ: Как же я выдерживаю?

ГУСИК: Не знаю, тебе, наверное, нравится.

МАТЬ: Да кому это может нравится? Я же не мазохист.

ГУСИК: А что тогда?

МАТЬ: Есть такое слово «надо»! Не «хочу», а «надо»! Я так всю жизнь живу.

ГУСИК: Знаю. Потому что с детства от тебя это слышу. Да только я теперь думаю, что жизнь вообще не про это. Не про долг и ответственность.

МАТЬ: О как! А про что тогда? Про что ваша новая жизнь? Поделись открытием. *(наверх Боженьке)* А ты послушай!

БОЖЕНЬКА: *(секретарю)* Записывай.

СЕКРЕТАРЬ: *(в сторону)* За каждым мыслителем теперь что ли? Мы, вроде, солидная компания.

ГУСИК: Жизнь это про любовь.

СЕКРЕТАРЬ: Как свежо!

МАТЬ: Чего?

ГУСИК: Человека надо найти. Своего. С которым всё изменится, даже ты сама изменишься. В этом весь смысл.

МАТЬ: А если у меня два мужа — оба алкоголики, один ещё и бабник, и какая там (*поднимает голову вверх*), прости Господи, любовь, то что я, не жила, что ли? Или жила вторым сортом? И главного про жизнь не поняла?

ГУСИК: Может, и не поняла.

МАТЬ: Спасибо. А ты, значит, поняла.

ГУСИК: Да. Жизнь — это тихое созерцание.

СЕКРЕТАРЬ: Это тоже писать?

БОЖЕНЬКА: (*морщится*) Это не надо.

МАТЬ: Созерцание? Да я ж только за! Поработал как следует и созерцай. Я тебе вот недавно предлагала посозерцать на лавке, а ты что-то не выразила желания.

ГУСИК: Мам, я тебе не про то созерцание говорю. Не про травку и облачка. А про состояние души, когда ты не суетишься всю свою жизнь, стараясь лишнюю копейку заработать, а пытаешься понять, нужна ли тебе эта копейка и вообще что тебе нужно? Потому что всем нужно разное.

МАТЬ: А я думаю, всем нужно одно. Чтобы чем было за квартиру заплатить, из чего суп сварить, ну и что на себя надеть, лучше, если норковую шубу. Которой, кстати, у тебя нет. У нас все медсёстры в шубах, а у моей умной дочери как не было, так и не будет, видимо. (*Боженьке*) Хотя я ей сколько раз денег предлагала!

ГУСИК: Да не нужна мне шуба!

СЕКРЕТАРЬ: Шуба не в трендах, увы.

МАТЬ: Тебе любовь нужна, я поняла. Да только где она? Неужели ты, после этого всего (*тычет в сторону теплицы с Чёртом*) ещё не поняла, нет никакой такой любви, тем более настоящей?! Есть везение. Кому-то повезёт встретить человека, а кто-то так весь век со скотиной (*опять кивок в сторону теплицы*) и мается. Ещё есть терпение. Кто-то может терпеть, кто-то, как я, сразу сбегает. И живёт потом один. Не знаю, что лучше.

ГУСИК: Мама, есть любовь, есть!

МАТЬ: Ты что? В смысле, ты..?

ГУСИК: Да. Я встретила человека. Мы встретили друг друга. И это настоящее. Потому что всё изменилось. Жить стало легко и радостно.

СЕКРЕТАРЬ: Минуточку, а не потому ли..?

БОЖЕНЬКА: Ну, конечно! Всегда одно и то же! Причина всегда в ней!

СЕКРЕТАРЬ: *(декламирует)* И понапрасну не надо, разные причины не надо, Нам искать, конечно, не надо - Нет их всё-равно, нет их всё-равно.

Любовь одна виновата,
Лишь любовь во всём виновата,
Лишь любовь всегда виновата,
То-то и оно, то-то и оно, то-то и оно.

БОЖЕНЬКА: Аминь.

МАТЬ: Давно?

ГУСИК: Почти год.

МАТЬ: *(кивок на теплицу)* А как же этот?

ГУСИК: Не успела развестись, дура. А теперь вот ломай голову, куда его.

МАТЬ: Ну и кто он?

ГУСИК: Очень хороший человек. Но тебе не понравится. Он совсем не про это *(показывает рукой на дачу)*.

МАТЬ: Тоже созерцает?

ГУСИК: Повар он. Шеф-кондитер.

МАТЬ: И не женат?

ГУСИК: Ну... почти...

МАТЬ: Тьфу! Не разведётся. Никто никогда не разводится. Вот помяни моё слово.

ГУСИК: Ты ж сама дважды развелась!

МАТЬ: Так у меня алкоголики были. Твой новый что, тоже алкаш?

ГУСИК: Не.

МАТЬ: Работает. Не пьёт. Ну, с чего его жена отпустит? А сами мужики никогда не уходят. Пока под жопу не дадут, не уйдёт.

ГУСИК: Спасибо, ма. Поддержала.

МАТЬ: Да если я ошибусь, то только рада буду. А других, неженатых, у тебя нет?

ГУСИК: Других мне не надо.

Из теплицы вырывается дикий вой. Мать подскакивает на лавке, спешит к теплице. Гусик невозмутимо продолжает орудовать лопатой. Мать заходит в теплицу.

МАТЬ: *(из теплицы)* Гусь, он плачет!

ГУСИК: Задолбал! Камень на шею, и утоплю, клянусь.

Мать выводит скрючившегося Чёрта из теплицы, ведёт к лавке, укладывает, сама садится рядом, гладит его голову, успокаивает.

ЧЁРТ: Мама бросиль... не лю...

МАТЬ: Ну что поделаешь, мой хороший, что поделаешь.

СЕКРЕТАРЬ: *(сочувственно)* Страдает мужик. А эта-то какова? *(кивает в сторону Гусика)* Человек, с которым всё изменится... ты сама... А то, что муж, которого бросили, изменится тоже, да как!

БОЖЕНЬКА: На всё воля божия!

СЕКРЕТАРЬ: *(растерянно)* То есть всё-таки вы...?!

БОЖЕНЬКА: Да пошутил я.

СЕКРЕТАРЬ: Прошу прощения, владыка, у меня нет чувства юмора.

БОЖЕНЬКА: Оформить?

СЕКРЕТАРЬ: Ни в коем случае! То есть спасибо, конечно, но не нужно. ...

Послушайте, а, может, человек брошенный!

БОЖЕНЬКА: Хм.

СЕКРЕТАРЬ: ЧБ, если сокращённо. Или вот ещё: человек покинутый. ЧП.

Звучит? Или ЧО? Человек отверженный!

БОЖЕНЬКА: Не части! Брошенный вроде как позвучнее.

СЕКРЕТАРЬ: А если за-брошенный?

БОЖЕНЬКА: Как партизан?

СЕКРЕТАРЬ: Да, вы правы, просто брошенный. Без лишних смыслов.

МАТЬ: (*Чёрту*) Поесть нужно. Глядишь, и настроение поднимется. (*Гусику*)

Гусь, у меня там в доме суп в термосе. Вынеси, похлебаем.

ГУСИК: С тарелками ещё валандаться... У меня бутеры в машине, давай перекусим, а суп погода.

МАТЬ: Ну хоть так.

Гусик оставляет лопату, идёт к машине, достаёт пакет с едой, подходит к скамье, где сидит Мать. Гусик снимает рабочие перчатки, протирает руки влажными салфетками, пока Мать достаёт из пакета коробку с бутербродами, термос с чаем, расставляет всё на скамье. Чёрт внезапно подскакивает и убегает в дом.

МАТЬ: Чего это он?

ГУСИК: Вернётся.

Едят.

МАТЬ: Ты что-то едва клюёшь.

ГУСИК: Да я вообще последнее время мало ем.

МАТЬ: Какая глупость! Есть надо многое. Тогда силы будут. Вот сестра моя Зоя, тётка твоя, она супа в тарелку полполовника всегда наливает, клянусь. Я ей говорю: а мне, Зоя, целый половник, и не один, потому что я, в отличие от тебя, не птичка и не мышка, я много ем. А она мне отвечает: ты, Валя, не ешь, ты жрёшь! А я и не спорю: да, я жру, поэтому у меня и силы есть. Я, Зоя, на свою дачу за семьдесят километров от города на электричке езжу, а ты на свой

огород, который у тебя в десяти минутах ходьбы от дома, уже несколько лет, как не выходишь, потому что, говоришь, сил нет.

ГУСИК: Как у тёти Зои дела?

МАТЬ: Депрессия.

ГУСИК: В девяносто лет?

МАТЬ: Да хоть в сто! Думаешь, старый это какой-то другой человек? Тот же самый. Только слабый очень. Раньше я на участке работала, каждый божий день по лестницам этих моих пятиэтажек туда-сюда. А сейчас в магазин сходить проблема. Иногда раз по пять отдыхаю по дороге.

ГУСИК: *(обнимает Мать)* Бедный ты мой мамулькин!

МАТЬ: У меня в подъезде три подруги на первых этажах: двум по 90, а ещё одной 93 уже. И вот я карабкаюсь на свой пятый с рюкзаком (с дачи как раз возвращалась), а Римма, та, что 93, говорит: как дела, Михайловна? Я говорю: нога просто отваливается, не подняться мне на пятый. А Римма: ты, молодёжь, не придуривайся, шагай бодрее! Шутит так: ну, вроде как, я молодая самая там у них, мне-то всего 85. Ну, и я смеюсь...

ГУСИК: Интересно, мы доживём до этих лет? Что-то люди вокруг мрут как мухи.

МАТЬ: Плохо созерцают, наверное. Недостаточно тихо.

ГУСИК: Мам, ну хорош...

МАТЬ: *(задумчиво оглядывается вокруг)* Когда умру, продашь ведь её, да? Много за неё не дадут. Дом старый, печка не работает, если бы не твой обогреватель, я бы тут сейчас не выдержала не то, что день, а пару часов. На дворе тепло, а в доме как в погребе. Колодец тоже старый, сарай заваливается, в бане пол сгнил. С другой стороны, земли много, пруд на участке. Но нет, много не дадут. Может, не продавать тебе её? Вдруг голодать придётся, так ты приедешь, картошкой всё засадишь и спасёшься. А?

Из дома раздаётся женский крик.

ГУСИК: Вот же скотина неуёмная! *(убегает в дом)*

МАТЬ: *(вверх)* Ну а ты что думаешь про тихое созерцание?

БОЖЕНЬКА: Я русский боженька. А это даже звучит как-то не по-русски.

МАТЬ: А я о чём? Мы живём в России. У нас беда как грипп. Бегай от неё не бегай, она тебя всё равно уложит. Так чего придуриваться, о счастье рассуждать! Ты выживи! Вот оно и счастье.

БОЖЕНЬКА: *(Секретарю)* Записывай.

СЕКРЕТАРЬ: Счастье как гипотеза.

Мать подсакивает. Из дома выходят Гусик и Люба: одна за передние, другая за задние конечности тащат бездыханного Чёрта, кладут на лавку. Мать наклоняется над ним, достаёт из кармана ножницы, разрезает и снимает с шеи верёвку.

ЛЮБА: Слышу шум, глаза открываю, а он висит!

ГУСИК: Не спалось тебе!

МАТЬ: Тише вы, мне нужно дыхание послушать! *(запрокидывает Чёрту голову, прислушивается)* Не дышит. Так, я делаю массаж сердца, ты, Гусь, дыхание рот-в-рот. *(Кладёт руки Чёрту на грудь, нажимает.)* Тридцать нажиманий, два вдоха!

ГУСИК: *(с тоской)* Ё-маё...

ЛЮБА: Я могу подышать. Я умею. *(склоняется над головой Чёрта)*

Пока Мать и Люба проводят реанимационные манипуляции, Гусик отходит в сторонку, достаёт сигарету, закуривает.

ГУСИК: *(вверх)* Что происходит? Ты его бережёшь, что ли?

БОЖЕНЬКА: Берегу.

ГУСИК: Зачем? Какое у него будущее?

БОЖЕНЬКА: Из научного интереса. А насчёт тщетности размышлений о будущем сама недавно мать поучала.

ГУСИК: Ну-ну. Только давай так. Я за него больше ответственности не несу. Сам разбирайся.

СЕКРЕТАРЬ: А почему вы так фамильярны, уважаемая?

ГУСИК: *(фыркает и отворачивается)*

СЕКРЕТАРЬ: Я к вам обращаюсь!

ГУСИК: А тебя я вообще не знаю.

СЕКРЕТАРЬ: Я секретарь. Правая рука Сущего.

ГУСИК: Правая рука — это правая рука. А секретарь — это ежедневник на ножках.

СЕКРЕТАРЬ: *(Боженьке)* Она тоже особенная? Потому что иначе я быстро могу её в чувства привести.

БОЖЕНЬКА: *(Секретарю)* Они все особенные. Не обращай внимания. *(Гусику)* Позволь я расскажу тебе одну притчу. Жили три сестры: ленивая, глупая и только третья была, как говорится, всё при ней. И вот пришло время замуж сестёр выдавать, явилась за ними Судьба. И повела по дворам. Ленивой достался самый рукастый парень в округе. Глупой — смышлённый. А третью сестру Судьба привела в дом к лентяю, раздолбаю и пьянице. Девушка, конечно, запричитала: почему мне, самой достойной из сестёр, такая доля? А Судьба отвечает: потому что у всех своя работа, а я отвечаю за баланс!

ГУСИК: Если такой расклад, то я не хочу быть лучшей из сестёр. Я ленивая, глупая и очень злая! И дайте мне уже, наконец, умного, щедрого неалкоголика вот с таким... *(разводит руки в весьма специфическом жесте)*.

СЕКРЕТАРЬ: *(возмущённо)* Послушайте, уважаемая! Многоуважаемая!

ГУСИК: С руками, говорю.... золотыми...

СЕКРЕТАРЬ: *(Боженьке)* Позвольте, я её всё-таки маленько проучу. Чтоб субординацию блюла.

БОЖЕНЬКА: Субординация это для тебя, родной, а им я не начальник. Им я жизнь. Полная страданий, как правило. Так что не трогай ты их.

Чёрт приходит в себя. Мать и Люба сажают его, ощупывают, кудахчут над ним. Гусик мрачно наблюдает.

ЛЮБА: Откачали!

МАТЬ: Ты что удумал-то, Серёж?

ЛЮБА: Такой красивый мужчина! Федя Бондарчук!

ГУСИК: Да какой он мужчина-то? Люба, ты что, совсем ничего не видишь?

ЛЮБА: Чего не вижу? *(Матери)* А что я должна видеть?

МАТЬ: Не обращай внимания.

ГУСИК: Ладно, я копать пошла. Вечер уже скоро. *(Идёт к грядкам)*

МАТЬ: А сколько ты вскопала уже?

ГУСИК: Две.

МАТЬ: Ого! Да ты прямо герой сегодня! Ну ничего, я тебе премию хорошую выпишу!

ЛЮБА: *(хихикает)* Поработал — получи!

ЧЁРТ: Пить...

Мать наливает из термоса в чашку, поит Чёрта как маленького.

ЛЮБА: Ему, Михална, водки бы дерябнуть грамм сто. Такое дело!

МАТЬ: Люба, нет у меня водки, я тебе говорила. А ему не надо. И тебе не надо.

ЛЮБА: Михална, ты давай не дави. Такой стресс мужик испытал! Да и я.

Открываю глаза, а он висит! Смотри, руки до сих пор дрожат.

МАТЬ: Люба, ты человек взрослый, делай, что хочешь. А его не подначивай.

ЧЁРТ: Пить!

ЛЮБА: Вот!

МАТЬ: Тьфу!

ГУСИК: *(кричит с грядок)* Блин! Лопата сломалась!

МАТЬ: Да чтоб тебя!

ЧЁРТ: Пить!

МАТЬ: (*Чёрту*) Нельзя! Смотри у меня! (*Гусику*) У меня в сарае ещё одна лопата есть, та, правда, поменьше, не такая удобная. Сходи посмотри!

Гусик направляется в сарай.

МАТЬ: Не найдёт.

Мать поднимается и заходит за Гусиком в сарай.

ЧЁРТ: Пить!

ЛЮБА: Да если бы у меня было, давно бы налила! Я ж не изверг какой. Скажи, а двести рублей у тебя есть?

Чёрт поднимается со скамьи, подходит к машине, Люба за ним, Чёрт показывает ей вглубь багажника, Люба достаёт оттуда бутылку водки и радостно подпрыгивает.

ЛЮБА: Кто ищет, тот всегда найдёт! Пошли ко мне, у меня закуска есть.

Чёрт молча направляется в дом, Люба бежит за ним.

ЛЮБА: А мне всё равно где, лишь бы компания была душевная!

Из сарая выходят Мать и Гусик с новой лопатой. Оглядываются — никого нет.

МАТЬ: Усвистали-таки! За водкой! Вот жеш задрыга в жопе зачатая!

ГУСИК: Ма...

МАТЬ: Знаешь, проводили такой эксперимент, по телевизору видела: люди погружали руки в колотый лёд. Так вот те, кто ругался, продержались на 40 секунд дольше.

ГУСИК: И чёрт с ними! Хоть бы она вообще его к себе забрала. Забот меньше.

МАТЬ: Да куда он ей! Проспится и выгонит!

ГУСИК: А может, приживётся. Люба женщина одинокая. Тем более он ей так приглянулся. И копыта не помеха.

МАТЬ: *(обиженно)* А мне что! Буду за вами всеми следить, что ли? Делайте, что хотите. Живите, как хотите, с кем хотите, где хотите.

ГУСИК: Ой!

МАТЬ: Что?

ГУСИК: Поясницу схватило.

Гусик ложится на скамью, Мать массирует ей спину.

МАТЬ: Конечно, пашешь без роздыху.

ГУСИК: Так успеть же надо.

МАТЬ: А я вечером на аппарат тебя положу, он помогает, убедишься. И себе такой купи, я денег дам.

ГУСИК: Да я сама себе куплю.

МАТЬ: Тебе детям помогать надо, пока можешь. У Машки вон ипотека.

ГУСИК: Да ужас...

МАТЬ: Такая девка красивая, и не смогла себе мужа с квартирой найти!

ГУСИК: Зато живут мирно. Тьфу-тьфу-тьфу!

МАТЬ: А спина что, возраст. У меня нога уже сколько лет болит! Без палки не хожу. Кстати, где она? *(оглядывается)* Вижу, вон она. А какая у меня рассада нынче! Завтра посадишь, через пару недель, думаю, уже помидорчики на ветках появятся. Жалко, ты уедешь, не увидишь. Слушай, а когда ты ко мне ещё приедешь? В июле давай, на неделю хотя бы. И девок привози своих.

ГУСИК: Мам, да не поедут они!

МАТЬ: Почему? У меня смородина, крыжовник. А в лесу, может, малина будет. У нас деревья валили, просека образовалась, должна малина быть. В прошлом году не было, а в этом, я чувствую, будет. Знаешь, как лесная малина полезна? Натаскаете малины, я её с сахаром перекручу — будет вам на всю зиму целебный продукт.

ГУСИК: Вот-вот. Натаскаете, наросте, наметае. Девчонки каждый раз вспоминают, как бадминтон привезли, а он так и провалялся. Бабушка им то одно задание даст, то другое. То полоть, то поливать, то в лес за берёзовыми вениками.

МАТЬ: А, помню, это я хотела продажу веников наладить для банщиков, но не пошёл бизнес...Тоже мне работа! Ой, какое изнеженное поколение выросло! *(задумчиво)* С такими детьми нам страну не поднять.

ГУСИК: Мам, дети сами разберутся. Что и куда им поднимать.

Мать обиженно перестаёт массировать. Гусик, кряхтя, принимает положение сидя.

МАТЬ: Как ты грубо с матерью разговариваешь.

ГУСИК: В чём грубость-то? В честности? Или мне всю жизнь с языком в жопе сидеть?

МАТЬ: Очень грубо.

ГУСИК: Ну, извини. Но я же тебе сто раз говорила: бросай ты это садовое огородничество! И у тебя, и у меня силы уже на исходе. Я после этих двух дней две недели потом буду в себя приходить. А то, может, ещё уколы придётся на спину ставить. Какая-то непомерно высокая цена у этой картошки. Но ты ж меня не слушаешь, я ж тебе не указ!

МАТЬ: Конечно, не указ. Мне никто не указ. Всю жизнь своим умом жила, никого не слушала, так неужели сейчас буду меняться?

ГУСИК: Так и мне дай своим умом жить.

МАТЬ: А я тебе хоть раз не давала? Не хочешь на даче помогать, хоть сейчас уезжай.

ГУСИК: А ты меня потом проклянёшь!

МАТЬ: Конечно, прокляну. Бросить старую больную мать в этой грязи — только последний подонок на такое способен!

ГУСИК: *(встаёт со скамьи)* Я пошла.

МАТЬ: Куда?

ГУСИК: Копать.

МАТЬ: Как хочешь. Но не говори потом, что я тебя заставила.

ГУСИК: Mam, ну вот какая же ты всё-таки...

МАТЬ: Какая?

БОЖЕНЬКА: Не такая!

ГУСИК: *(уходит к грядам)* Такая!

МАТЬ: *(вверх)* Господи, как же они меня все достали! Одно дурачье кругом. И ведь все хотят жить своим умом! Его нет, ума, а они им жить собираются.

СЕКРЕТАРЬ: *(Боженьке)* Разве это не гордыня?

МАТЬ: Это жизненный опыт. И врождённое здравомыслие.

СЕКРЕТАРЬ: Вы, извините, определённо, не командный игрок.

МАТЬ: Как скажешь, милый.

БОЖЕНЬКА: *(улыбаясь)* Любимка.

СЕКРЕТАРЬ: Да почему? Что в ней такого особенного, кроме упрямства?

Вцепилась, извините, в этот клочок земли. А в церковь вообще не ходит. Не причащается, не исповедуется, постов не соблюдает.

БОЖЕНЬКА: Вот тут ты заблуждаешься. Это не упрямство, а вера и есть.

СЕКРЕТАРЬ: Не понимаю, Владыка.

БОЖЕНЬКА: Не понимаешь. И они *(показывает рукой вниз)* не понимают, что верить надо не в меня, а в то, что я создал. Для меня как Создателя только это имеет значение. Потому что это и есть признание. Не надо молиться мне.

Молитесь этим скудным *(пальцем вниз)* росткам. Благодарите их. Пестуйте. Как я пестовал вас. *(Увлекаясь)* Следуйте за мной. Будьте как я. Возделывайте свой

собственный рай. При жизни. Здесь, на земле. И как я создал райские кущи не для себя, а для вас, так и вы творите рай для других.

СЕКРЕТАРЬ: Это тоже записывать?

БОЖЕНЬКА: Безусловно. А то я потом не вспомню. Столько умных мыслей пропадает, потому что не записываю!

СЕКРЕТАРЬ: Это ужасно.

БОЖЕНЬКА: Короче, она (*кивок на мать*) это понимает. Всегда понимала. Поэтому и любимка.

МАТЬ: Господи, даруй мне сил!

БОЖЕНЬКА: А вот это сама-сама.

МАТЬ: Моральных!

БОЖЕНЬКА: А вот это сколько угодно. Ты у меня самая умная и красивая, Валенька. Помню, девочкой тебя ещё: головка лысенькая...

МАТЬ: Это нас от вшей постоянно брили. Война.

БОЖЕНЬКА: (*продолжает*) ...губки пухленькие

МАТЬ: Ох, как же я эти свои губы ненавидела. Не модно ж тогда было.

Толстогубой дразнили. Помню, стою возле зеркала и закусываю их. Думаю: ведь могла бы быть симпатичной, если бы не они.

БОЖЕНЬКА: ... глазки жёлтенькие горят! И всё время что-то тащит, тащит, строит, строит. А я люблюсь на тебя не налюбуюсь.

МАТЬ: А я это чувствую. И мне насрать, кто про меня что думает и говорит.

Главное, меня наш русский Боженька одобряет. А вообще, тяжело. Ведь вот клянусь (*осеняет себя крестом*), Тобой же и клянусь, мне эта дача вообще не нужна! Мне дома на диване лучше. Это же для них всё. А они же меня за это и ненавидят. Вот просто обидно. Иной раз думаю, да хоть бы она сгорела, дача эта! Чтобы уж ни они не мучились, ни я!

БОЖЕНЬКА: А застрахована?

МАТЬ: А как же!

БОЖЕНЬКА: Так чего же проще?!

Боженька направляет правую длань в направлении домика, и тот вспыхивает как спичка, в одно мгновение.

СЕКРЕТАРЬ: Стойте, там же этот... ЧП!

Мать и бросившая копать Гусик ошарашено смотрят на огонь.

МАТЬ: Господи!

СЕКРЕТАРЬ: А говорили, что не фокусник!

БОЖЕНЬКА: *(смущённо)* Погорячился. Как-то само собой рука сорвалась.

МАТЬ: Господи! Горим!

Из дома раздаётся шум, затем выбегает Чёрт, на руках у него Люба, от обоих валит дым, у Чёрта горит шерсть.

БОЖЕНЬКА: *(Секретарю)* Ох, что же ты мне про этих-то не напомнил!

СЕКРЕТАРЬ: *(эмоционально)* Так а когда... *(осекается под взглядом Боженьки)*

Простите, владыка, мой косяк.

МАТЬ: *(машет руками, показывая направление)* Серёжа, в пруд! Туда! В воду!

Чёрт бежит к пруду, прыгает в воду вместе с воющей Любой на руках.

СЕКРЕТАРЬ: *(робко)* Сами потушим, или я небесным силам задачу поставлю?

БОЖЕНЬКА: *(хмуро)* Сами.

Боженька щёлкает пальцами — начинается сильный дождь, который очень быстро тушит горящий дом. Гусик подбегает к Матери.

ГУСИК: Мам, ты как?

МАТЬ: Не знаю. Сердце колотится.

ГУСИК: Сядь, я тебе таблетку сейчас принесу.

Гусик бежит к машине, достаёт аптечку, таблетку, возвращается к Матери, кладёт той таблетку под язык.

МАТЬ: Там эти два в пруду. В доме, оказывается, были.

ГУСИК: Видела. Да что с ними делается.

МАТЬ: Так горели, шутка ли. В больницу придётся.

ГУСИК: Пьяных, говорят, бог бережёт.

СЕКРЕТАРЬ: Это вульгаризм! *(Боженьке)* Давайте уже порицать за подобного рода высказывания, хотя бы в предупредительной форме.

БОЖЕНЬКА: Скучный ты.

СЕКРЕТАРЬ: Для вас же стараюсь.

БОЖЕНЬКА: Не надо. Просто записывай всё и не мельтеши.

Из пруда вылезают и подходят к скамье Чёрт и Люба, оба шатаются.

МАТЬ: Люба, ты как?

ЛЮБА: Зачем же ты нас подожгла, Михална?

МАТЬ: Да что ты опять несёшь, дура ты бестолковая?

ГУСИК: Люба, правда, хорош болтать, зачем нам собственный дом поджигать, да и как?

ЛЮБА: Дура я, да? Сначала водкой палёной отравили, потом подожгли, а я дура? Я на вас заявление напишу. В милицию. Пока ты, Михална, дом здесь не купила, у нас всё спокойно-хорошо было.

МАТЬ: Началось.

ГУСИК: У неё это что, навязчивый мотив?

ЛЮБА: Мотиив... Сама ты мотиив.

МАТЬ: Да зависть обыкновенная. Сами пьют неделями, к грядкам подойти некогда, а потом на мои глядят и злятся.

ЛЮБА: Чиво?

МАТЬ: Люба, хоть раз честно признай. Не любишь ты меня.

ЛЮБА: А я признаю. Мне по барабану. Я бесстрашная и никого не боюсь. Ты, Михална, не душевная. Вроде, вежливая, а не душевная! Как будто сверху вниз на меня смотришь.

МАТЬ: Прекрати.

ЛЮБА: А ты признай! Я признала, теперь ты не ссы и признай.

ГУСИК: Люба, отстань от неё. Она тебя на двадцать пять лет старше.

Тахикардия вон.

ЛЮБА: А у меня жопа дымится, и что? Я только правды хочу. Я как на духу, пусть и она!

МАТЬ: Да, признаю-признаю!

ЛЮБА: Вот! Как на вошь смотришь!

МАТЬ: Как на вошь, Люба.

ЛЮБА: А за что?

МАТЬ: За то, что работать не хочешь. И пьёшь как не в себя.

ЛЮБА: (*орёт*) А разве? Это? Не моё? Дело? Как? Жить?

МАТЬ: А я тебе слова дурного не сказала, в отличие от тебя. А как смотреть, тоже моё дело.

ГУСИК: Ну всё, хватит вам уже. Ты лучше, Люба, скажи, как себя чувствуешь? Может, мне «скорую» вызвать?

ЛЮБА: Какая «скорая»? Что мне сделается? Меня боженька любит!

СЕКРЕТАРЬ: У нас тут прямо заповедник! И всех-то их любят!

БОЖЕНЬКА: Тебе жалко? Верит женщина, и бог с ней.

ЛЮБА: Дому вашему кирдык, я думаю.

ЧЁРТ: Заткнись.

ЛЮБА: Ты кому?

МАТЬ: Заговорил.

ЧЁРТ: Закрой рот, Люба, и иди домой.

ЛЮБА: Да ты...

*Люба не успевает закончить фразу, как Чёрт, оскалившись, рычит на неё.
Люба охает, подскакивает и бежит к воротам.*

ЛЮБА: Я думала, ты мужик, а ты, как все, козёл! *(уходит)*

ЧЁРТ: Дура.

МАТЬ: Дура и есть. Чего завидовать? Последнее дело.

Мать вздыхает и ложится на скамье, закрывает глаза, дремлет.

ГУСИК: *(Чёрту)* Чего ещё скажешь?

ЧЁРТ: Ничего. Разводись. Устраивай свою судьбу. Я тебе мешать не буду.

ГУСИК: А что ты будешь? И где?

ЧЁРТ: Да здесь останусь.

ГУСИК: Где? Дом погорел.

ЧЁРТ: Разберёмся.

ГУСИК: Вот ты всегда так говорил. Только в итоге разбиралась со всем я. Одна.

ЧЁРТ: Не в этот раз, Гусь

ГУСИК: Не называй меня так. Это только маме можно. Для тебя я Саша, а лучше Александра Николаевна.

ЧЁРТ: Александра Николаевна, дорогая моя Саня, устраивай свою жизнь, пока не поздно. Обо мне не думай. Обо мне есть кому подумать. *(поднимает голову вверх)* Да, Господи?

ГУСИК: Господи? Этому? Да ему же на всё наср...

СЕКРЕТАРЬ: Ну это уж она совсем берега потеряла.

БОЖЕНЬКА: Ой, да пусть лепит! Она вообще какая-то ненашенская. *(Гусику)*
Из буддистов, что ли?

ГУСИК: Извините, если обидела. Я ж не со зла. Я даже любя, в каком-то смысле.

СЕКРЕТАРЬ: Издеваетесь?

ГУСИК: Да я ж извинилась!

БОЖЕНЬКА: Она извинилась.

ГУСИК: Но я ведь правду сказала. Господи, добрый наш русский Боженька, ты Серёге как-то помогать собираешься?

БОЖЕНЬКА: Да он, вроде, не беспомощный.

СЕКРЕТАРЬ: Он вам Господь, а не тимуровец.

ГУСИК: Это мы уже давно поняли.

ЧЁРТ: Да не надо мне помогать. Мне, главное, божественное присутствие ощущать. Понимать, что и я его создание.

БОЖЕНЬКА: Не моё. Мне чужие заслуги ни к чему.

СЕКРЕТАРЬ: Мы тут фактурку собрали, проанализировали — на лицо акт самотворения.

ГУСИК: Акт чего?

БОЖЕНЬКА: *(кинув осуждающий взгляд на секретаря, Гусику)* Никто Сергея твоего не касался. Сам он.

ГУСИК: В смысле, это он сам себя так само... развил?

СЕКРЕТАРЬ: Сам. Собственный создатель, так сказать.

ГУСИК: Серёга, а зачем?

ЧЁРТ: Тоска.

БОЖЕНЬКА: Не, тоска она у многих. А у тебя, сын мой, творческий гений.

ГУСИК: Гений? Гений — это Сикстинская капелла, «Евгений Онегин», «Песня про дельфинов», в конце концов. А копыта и хвост это что угодно, но не гений.

БОЖЕНЬКА: Да ты под другим углом посмотри! Это ж какой акт самоуничтожения! Лишить себя человеческого образа, и так зримо, так наглядно. То же творчество, только в минус. Рас-творчество, назовём это так. И всё во имя чего?

ГУСИК: Чего?

БОЖЕНЬКА: Как чего? Любви.

ГУСИК: Какой любви? Что вы несёте? *(крестится)* Прости меня, Господи!

СЕКРЕТАРЬ: Да к тебе любви, курица! Мужик понял, что ты его разлюбила, впал в тоску, расчеловечил себя! Неужели непонятно?

ГУСИК: А?

СЕКРЕТАРЬ: Бэ.

БОЖЕНЬКА: *(Секретарю)* Прекрати уже.

СЕКРЕТАРЬ: Ну, а что она как невинная?

ГУСИК: Да я, действительно, не понимаю.

БОЖЕНЬКА: Ну, милая, ты же сама говорила: любовь меняет всё вокруг. И нелюбовь меняет. Теперь ты сама видишь, как меняет.

ГУСИК: Постойте. У меня стойкое ощущение, что вы меня хотите крайней сделать.

ЧЁРТ: Действительно, что вы на неё накинудись. Она не виновата.

БОЖЕНЬКА: А кто здесь ищет виноватых?

СЕКРЕТАРЬ: Наша цель — разобраться, что произошло. А произошло именно оно, самодеятельное творчество.

ГУСИК: Так а дальше-то что?

ЧЁРТ: Да ничего.

БОЖЕНЬКА: *(Гусику)* Да не волнудись ты так, он у нас на контроле. Страна большая, не пропадёт.

ЧЁРТ: Спасибо, Господи, что не отказался.

БОЖЕНЬКА: Да ты что! Я тебя даже полюбил!

ГУСИК: А мне как теперь жить?

ЧЁРТ: Саня, да забей ты уже. Я на тебя ни за что не сержусь, ни за то, что разлюбила, ни за то, что изменила, ни за то, что убить хотела. У меня после клинической смерти, а потом пожара просветление случилось. Я понял, что хватит суетиться, смыслы искать. Я и есть смысл.

БОЖЕНЬКА: *(секретарю)* Записывай.

ЧЁРТ: *(Гусику)* И ты смысл. Так что иди, разводи своего повара, строй с ним свою любовь. Может, у вас и получится. Я, по крайней мере, буду за тебя только рад. Честно.

ГУСИК: Ой, какое благородство! Только не надо мне этим своим благородством в морду тыкать! Я своего повара заслужила! Как и ты свои рога и копыта! Так что я уеду отсюда с чистой душой и совестью. И не вернусь. Потому что меня эта дача задолбала по самые не могу! Сгорела? И слава Богу! *(Боженьке)* Тебе тебе, да. Если ты и сделал что хорошего лично для меня, то вот это.

БОЖЕНЬКА: Можешь не благодарить.

СЕКРЕТАРЬ: Поистине ваше терпение безгранично, владыка.

ЧЁРТ: Уезжай, Сань.

ГУСИК: Уеду, когда мне надо будет! *(смотрит на Мать)* Ма...

Лежащая на скамье Мать не подаёт признаков жизни. Гусик и Чёрт наклоняются над ней, слушают дыхание, пытаются прощупать пульс на руке. Боженька и Секретарь встревоженно наблюдают за всем происходящим.

ЧЁРТ: Ма!

ГУСИК: Мама!

СЕКРЕТАРЬ: Она что умирает?

БОЖЕНЬКА: Ну, возраст. А потом такие переживания.

СЕКРЕТАРЬ: А что вы такой спокойный, ваша же любимка?!

БОЖЕНЬКА: Да все они умрут. Я уже привык.

СЕКРЕТАРЬ: Так и что, наблюдаем и не вмешиваемся?

БОЖЕНЬКА: Ну, почему, мы болеем. *(Матери)* Валя! Ты мне это брось! Ещё не время! Сажены помидоров ждут тебя дома на балконе! Давай поднимайся!

СЕКРЕТАРЬ: *(скандирует как болельщики на стадионе)* Ми-хай-лов-на! Ми-хай-лов-на!

ГУСИК: Мама, ты обещала мне не умирать тут! Держи слово!

ЧЁРТ: Тёща, ты нужна мне, не уходи! Мы распашем эту целину!

БОЖЕНЬКА: Валя, ты ещё можешь, поднажми!

ЧЁРТ и ГУСИК: *(орут)* Мамаааааа!

Мать медленно поднимается, садится.

МАТЬ: Я тут!

ГУСИК: Mamочка!

ЧЁРТ: Напугала!

МАТЬ: Меня, вроде как, повело. Темно и тепло. Проваливаюсь вниз, и так хорошо, и ничего не болит, ни нога, ни спина, и сердце не колотится. Будто сон. Только я всё дальше и дальше, глубже и глубже. А потом голоса, неприятные, надоедливые. Я отмахиваюсь, но они не отстают. Один особенно противный.
(Все остальные смотрят друг на друга.) Очнулась.

БОЖЕНЬКА: Оформи уже путёвку в санаторий, сколько раз говорил. Это бесплатно.

МАТЬ: Какой мне санаторий! У меня же дача!

БОЖЕНЬКА: Я ж её спалил.

МАТЬ: Да мне, главное, грядки. А жить я пока и в бане могу, свет там есть.

ЧЁРТ: Дом мы восстановим.

МАТЬ: Правда?

ГУСИК: *(отталкивает Чёрта от Матери)* Mam, какая баня! Подумай о своём здоровье. Ты же только что чуть Богу душу не отдала!

МАТЬ: Ну, не отдала же.

ГУСИК: *(поднимает голову вверх)* Следующего раза ждать?

БОЖЕНЬКА: А что ты на меня смотришь? Я здесь вообще не причём.

ГУСИК: *(Секретарю)* Он хоть когда-нибудь причём?

СЕКРЕТАРЬ: *(в сердцах плюёт вниз, в сторону Гусика)*

ГУСИК: *(падает на спину, кричит)* С ума сошёл?

СЕКРЕТАРЬ: А на тебя слова не действуют. Сколько раз просил за языком следить.

Чёрт помогает Гусику подняться.

ГУСИК: *(отряхиваясь)* Подумаешь. Мне и не больно ни капельки.

СЕКРЕТАРЬ: А я и не старался.

БОЖЕНЬКА: Ну всё, прекратили свару. Только вас нам тут не хватало. Давайте думать, что с дачей делать.

ГУСИК: Да продать её давно надо!

МАТЬ: *(охаёт)* А как же ты? Девочки? Это ж наследство!

ГУСИК: Mam, мы за 600 километров отсюда живём. Когда к земле потянет, мы там у себя участок купим.

МАТЬ: Там покупать за бешеные деньги, а здесь за гроши отдавать? Потому что кому она тут нужна-то? Таких домов вон полдеревни.

ГУСИК: Тогда пусть стоит.

МАТЬ: Зарастает. Я в эти грядки столько сил вложила, здоровья. И твоего, кстати, тоже. А теперь бросить всё? Во имя чего?

ГУСИК: Mam, а поехали со мной в Питер? Квартира теперь свободная. Заживём вдвоём.

МАТЬ: А повар?

ГУСИК: Да... Разберёмся.

МАТЬ: Спасибо, дочь, но уж нет. Ты сама там разбирайся, пока тебе здоровье позволяет. А я уж тут как-нибудь потихоньку. Одиночество оно, конечно, не сахар, зато и разбираться ни с кем не надо.

ГУСИК: Господи!

БОЖЕНЬКА: Ай!

ГУСИК: Да я не конкретно, я вообще, в атмосферу! *(падает на колени, кричит)* Господи! Что же делать? Я не могу больше! Я устала! У меня просто нету сил! Ни на что! Даже на любовь уже почти сил нет. Хочется любви, я ведь ещё не старая, а энергии ноль. И в санаторий ведь никто бесплатно путёвку не даст. А тут ещё эти помидоры... Пятьдесят кустов! Мама, ну зачем так много? *(плачет)*

МАТЬ: *(встаёт с лавки, гладит Гусика по голове)* Ладно, дочь. У тебя сил нет. У меня силы есть.

ГУСИК: Мама, перестань.

Мать встаёт на колени рядом с Гусиком, поднимает голову вверх.

МАТЬ: Боженька, свет ты наш ясно солнышко, я тебе никогда не врала и сейчас врать не буду. Есть у меня силы. И на помидоры. И на картошку. И на свёклу с капустой. И даже на берёзовые веники с малиновым вареньем.

БОЖЕНЬКА: А нога? Спина? Тахикардия?

МАТЬ: Если всё это есть, значит я ещё жива.

ЧЁРТ: *(падает на колени рядом с Матерью и Гусиком)*

СЕКРЕТАРЬ: *(Чёрту)* А ты чего?

ЧЁРТ: Это ты чего? Про соборность слышал, умник?

СЕКРЕТАРЬ: Все люди — братья по несчастью?

ЧЁРТ: Все люди — братья по любви. По крайней мере, русские. Или ты не русский?

БОЖЕНЬКА: Русский он, русский.

МАТЬ: Боженька, всегда молилась за них, а теперь помолюсь за себя! Да пребудет со мною сила!

Раздаются одиночные удары в большой колокол.

МАТЬ: Дети наши сделались немощными и безвольными. Может, в этом и наша вина. Дети растеряли веру. А без веры откуда возьмётся сила? Значит, нельзя нам пока умирать. Надо стоять. И я буду стоять. Я и мёртвая буду стоять. На этом самом месте, на этих грядках. Мёртвая буду охранять эту землю, пока дети наши не наберутся сил и не придут нам на смену. Потому что даже мёртвые могут защитить то, что они любят.

Колокольный звон переходит в перезвон.

Затихает. Мать поднимается с колен, ей помогают Гусик и Чёрт.

ГУСИК: Я вся обревелась. Теперь, наверное, ещё год плакать не буду.

СЕКРЕТАРЬ: Ну, такой спектакль.

ЧЁРТ: *(Боженьке)* Скажи, чтоб он заткнулся. Его дело вон в блокнотик писать, а не комментарии отвечать.

СЕКРЕТАРЬ: Да я...

БОЖЕНЬКА: *(Секретарю)* Заткнись.

МАТЬ: Может, и спектакль. Зато от души.

ГУСИК: *(Боженьке)* А ты что скажешь?

БОЖЕНЬКА: Всё идёт по плану.

ГУСИК: И это всё?

БОЖЕНЬКА: Иди работай, Валя. И ты, Александра. И ты, Сергей. Делайте, что должно, и будет то, что будет. А других слов у меня для вас нет.

МАТЬ: *(Гусику)* А мне от него ничего не надо. Как и от тебя. Просто не бросайте.

ГУСИК: Копать?

МАТЬ: Да можно ещё с часик. А остальное завтра тогда уже.

ГУСИК: Тогда я пошла.

ЧЁРТ: Я с тобой, помогу.

ГУСИК: Лопата только одна.

ЧЁРТ: Копытами буду рыть.

МАТЬ: Ага, идите, а я пять минут посижу, отдохну, да пойду в сарай тесёмки искать, чтобы было чем помидоры завтра подвязывать.

Гусик и Чёрт уходят к грядкам.

БОЖЕНЬКА: Ты, Валюша, главное, помни, что у меня вы все живы.

МАТЬ: А как же, отец родной. Никогда не сомневалась.

БОЖЕНЬКА: А к врачу всё-таки сходи.

МАТЬ: Да я сама врач. Но схожу. Вот в октябре дачу закрою и схожу. Нога-то совсем не двигается. *(Гусику, кричит)* А ты сегодня сколько гряд вспахала?

ГУСИК: Четыре.

МАТЬ: Моя кровь.

Мать встаёт со скамьи и, опираясь на палку, идёт к сараю.

БОЖЕНЬКА: Ну что, славный денёк. Славные человечки. Славная землячка.
Славный я.

СЕКРЕТАРЬ: Дело о Человеке Брошенном может быть закрыто?

БОЖЕНЬКА: Да и открывать не стоило. Обычный человек оказался.

Подумаешь, копыта!

СЕКРЕТАРЬ: И как только вы с ними управляетесь? Каждый в свою дуду дует, дисциплины никакой.

БОЖЕНЬКА: Это так только кажется. Со мной ведь не забалуешь, сам знаешь. Там! *(Показывает пальцем вверх.)* А при жизни пусть поскачут, порезвятся. И мне развлечение.

СЕКРЕТАРЬ: А с этим всем что делать *(показывает блокнот с записями)*?

БОЖЕНЬКА: Альбом сделай. Шрифт покрупнее. Картинок добавь. Буду перед сном листать. Да, назови как-нибудь красиво.

СЕКРЕТАРЬ: «Проект ЧБ».

БОЖЕНЬКА: Ох. Один вред от этих курсов твоих. Какой проект? Ты красиво назови. Что-то вроде «Книжица небесных радостей». А?

СЕКРЕТАРЬ: Красиво. Так и назову.

БОЖЕНЬКА: Так и назови.

СЕКРЕТАРЬ: Ну что, заводить?

БОЖЕНЬКА: Заводи. И давай, с ветерком. Чтобы дух захватывало. Я люблю.

Облачко с Боженькой и Секретарём поднимается вверх и исчезает из виду.

Копаящая Гусик ойкает, хватается за спину, замирает. Чёрт подходит к ней, Гусик жестами его отгоняет.

ГУСИК: Не лезь, я сама.

ЧЁРТ: Да где сама! Дай помогу!

ГУСИК: *(плачущим голосом)* Отстань ты, Христа ради!

ЧЁРТ: *(не слушая)* Щас, щас всё будет хорошо.

Чёрт встаёт сзади Гусика, обхватывает её руками-копытами в районе подмышек, прижимает к себе, поднимает рывком, Гусик снова ойкает.

ЧЁРТ: Хорошо?

ГУСИК: Да... вроде, да.

ЧЁРТ: Ну, давай ещё разок. Ты только руки подними, голову обхвати замком и вниз её наклони.

Гусик выполняет то, что сказал Чёрт, и он снова её поднимает.

ЧЁРТ: Хорошо?

ГУСИК: Хорошо!

Процедура повторяется.

ЧЁРТ: Хорошо?

ГУСИК: Хорошо!

К забору подходит Люба, она весёлая и пошатывается.

ЛЮБА: Михална, соседка! Пришла мириться! Ты меня обидела, я тебя обидела.

Давай всё забудем и начнём сначала. Мы же соседи! Мы же космонавты!

Хочешь, я тебе твою любимую песню спою? Я хорошо пою. Слушай.

*Люба поёт старую советскую песню, более всего известную в исполнении
Владимира Трошина.*

ЛЮБА: Жить и верить — это замечательно.

Перед нами — небывалые пути.
Утверждают космонавты и мечтатели,
Что на Марсе будут яблони цвести.

Хорошо, когда с тобою товарищи,
Всю Вселенную проехать и пройти.
Звёзды встретятся с Землёю расцветающей,
И на Марсе будут яблони цвести.

Я со звёздами сдружился дальними,
Не волнуйся обо мне и не грусти.
Покидая нашу Землю, обещали мы,
Что на Марсе будут яблони цвести.

Ольга Хирина

olga_hirina@mail.ru

[89060544100](tel:89060544100)